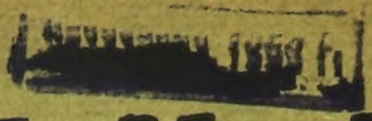


КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 48

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1913.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

8166

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

С. П. Б. Учительский институт

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 48.

Д. Н. Кардовскій. Балъ въ Москвѣ 20-хъ годовъ.

Научная б-ка им. Горького при ЛГУ
Проверка 19-

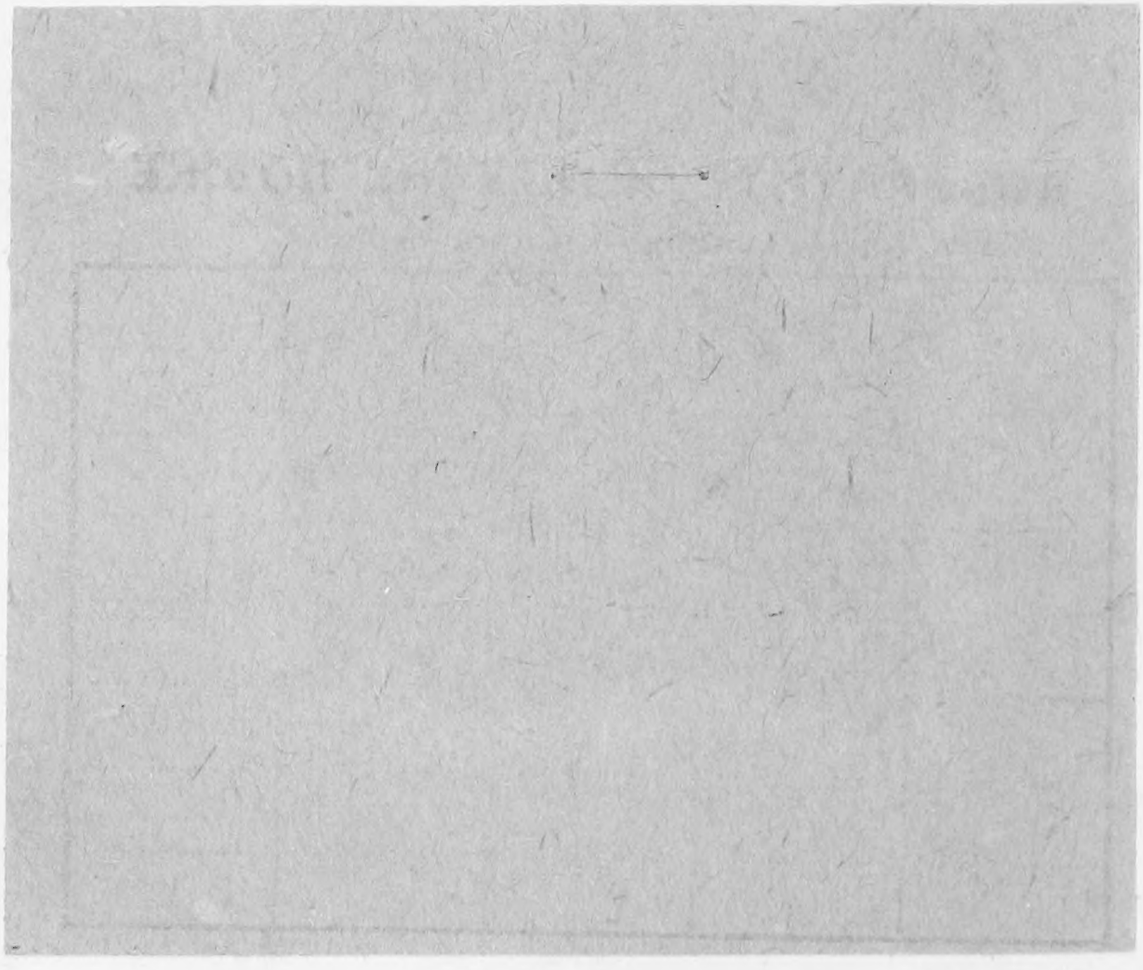
Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1913.

1-й Ленингр. Гос. Пед. Ин-т Библиотека иностран. языков

2
4819-48

5942



Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А.А.ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1913.

Научная Б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Балы въ Москвѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ.

(Къ картинѣ Д. Н. Кардовскаго «Балъ въ Москвѣ 20-хъ годовъ»).

Дошедшія до насъ записки и воспоминанія людей XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка единогласно рисуютъ Москву той поры, какъ городъ по преимуществу «дворянскій». Такъ сталось съ той поры, когда волею Петра Великаго передъ невскою столицей

Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова...

Это невольное «вдовство» Москвы, оставшейся столицей только по имени, отражалось и по-своему сказывалось на всемъ обиходѣ московской жизни указанной поры, особенно на быту тѣхъ слоевъ московскаго общества, которые ближе могли соприкасаться съ царскимъ дворомъ. Покинутая царемъ Москва была очень недовольна своей новой ролью столицы лишь по имени, и это недовольство сказывалось во всемъ; москвичи немножко гордились тѣмъ, что ихъ городъ не гонится за внѣшнимъ холоднымъ блескомъ, которымъ хвалился Петербургъ, въ Москвѣ съ распростертыми объятіями принимали всѣхъ, кому «вреденъ становился» воздухъ Петербурга, въ Москвѣ хотѣли жить «по-своему» и жили, какъ умѣли, не очень стѣсняясь, какъ посмотрятъ на эту жизнь въ Петербургѣ. Не даромъ со временъ Екатерины Москва прослыла республикою! Конечно, это была петербургская иронія, но иронія съ оглядкой: Петербургъ очень и очень считался съ тѣмъ, что скажутъ въ Москвѣ. Восемнадцатый вѣкъ—это вѣкъ господства дворянства, когда оно черезъ гвардію дѣлало правительства. Въ Петербургѣ за гвардіей очень ухаживали, а въ гвардіи служили дѣти, отцы которыхъ составляли соль и основу московскаго общества. Въ Москвѣ описываемыхъ временъ жили старшіе представители знаменитѣйшихъ родовъ нашего дворянства.

Большею частью это были люди, занимавшіе въ свое время высшія государственныя должности и поселившіеся въ Москвѣ послѣ отставки на житье «въ пышномъ бездѣйствіи»; «въ Москву на житье уѣзжали и такіе бывшіе сановники, самолюбіе которыхъ было оскорблено, которые хотѣли показать своимъ отъѣздомъ, что не нуждаются въ милостяхъ осыпающихъ своими дарами людей, съ которыми имъ «невмѣстно быть»; въ Москву, наконецъ, съѣзжались на зимнее житье богатые помѣщики, которые не искали службы и чиновъ, а хотѣли только пользоваться своимъ богатствомъ среди удобствъ и удовольствій столицы. Московскій старожилъ конца XVIII и начала XIX в. Н. Г. Левшимъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ о московской жизни называетъ Москву той поры всеобщимъ инвалиднымъ домомъ всѣхъ россійскихъ дворянъ знатныхъ и незнатныхъ, чиновныхъ и безчиновныхъ. «Москва,—говоритъ онъ—удивительное пристанище для всѣхъ, кому дѣлать болѣе нечего, какъ свое богатство расточать, въ карты играть, ѣздить со двора на дворъ; дѣловыхъ людей въ Москвѣ мало. Всѣ вообще отставные, старики, моты, весельчаки и празднолюбцы—всѣ стекаются въ Москву и тамъ вѣкъ свой доживаютъ припѣваючи. Раздѣлятъ-ли родители дѣткамъ имѣніе—ѣдутъ на покой въ Москву вѣкъ доживать; надобно-ль дѣтокъ малолѣтнихъ въ пансіонъ отдать (которыхъ тогда нигдѣ, кромѣ Москвы, найти нельзя было)—ѣдутъ въ Москву; въ службу записывать сынковъ—опять на совѣты и отыскиваніе по роднымъ покровительства ѣдутъ въ Москву,—словомъ сказать, со всего россійскаго свѣта стекается многое множество къ зимѣ въ родимую Москву; за то лѣтомъ—хотя шаромъ покати—никого нѣтъ, даже на улицахъ станетъ травка пробиваться; всѣ разбредутся по деревнямъ—къ зимѣ деньги собирать».

«Отсюда лѣтомъ разносились вѣсти по всей Россіи, а зимой онѣ собирались». Москва всегда отличалась особой жадной воспріимчивостью къ слухамъ и толкамъ всякаго содержанія—отъ вопросовъ большой политики до сплетенъ изъ области закулисной придворной и даже частной жизни. Особенно настораживались московскія уши и усердно работали московскіе языки, когда въ Петербургѣ готовились и совершались событія первостепенной государственной важности. Бывшіе дѣятели особенно строго относились къ дѣятельности своихъ преемниковъ. Въ этомъ смыслѣ кн. П. А. Вяземскій совершенно правъ, когда

характеризуетъ Петербургъ, какъ сцену, а Москву зрительницей, оцѣнивающей и судящей петербургскія «дѣйства». И зрителями въ Москвѣ были не кто-нибудь, а бывшіе первоклассные лицедѣи государственной жизни: графы Орловы, Остерманъ, кн. Голицыны, Долгорукіе, Дашковы, Ростопчины, впослѣдствіи М. А. Орловъ и А. П. Ермоловъ; а какой хоръ и фонъ этимъ звѣздамъ первой величины составляла масса бывшихъ дѣятелей порядка второстепеннаго! Тутъ дѣйствительно Петербургу хотя и съ гримасой, а надо было считаться съ Москвой, пряча за извѣстнымъ видимымъ выраженіемъ высокомѣрности стремленіе не ударить въ грязь лицомъ передъ строгими судьями.

Въ Петербургѣ общество сосредотачивалось около двора, состояло это общество изъ людей, служившихъ въ военной или статской службѣ на большихъ или малыхъ мѣстахъ. Въ Петербургѣ жили потому, что тамъ служили, а въ Москвѣ проживали на своей волѣ, внѣ какихъ-либо служебныхъ обязанностей. Въ Петербургъ ѣхали изъ Москвы «по дѣлу», а изъ Петербурга въ Москву—отдохнуть и повеселиться; Петербургъ въ дворянскомъ обществѣ чтили, а Москву—любили.

«Какъ не любить родной Москвы!

восклицаетъ Е. А. Баратынскій.

Но въ ней не градъ первопрестольный,
Не золоченыя главы,
Не гулъ потѣхи колокольной,
Не сплетни вѣстницы-молвы
Мой умъ плѣнили своевольный,—
Я въ ней люблю весельчаковъ,
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ пировъ,
Богатой знати хлѣбосольство
И дарованья поваровъ.
Тамъ прямо веселы бесѣды,
Вполнѣ уваженъ хлѣбосолъ,
Вполнѣ торжественны обѣды,
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ»...

Съ такою же любовностью говоритъ о Москвѣ своего времени и А. С. Пушкинъ. Москва временъ Пушкина и Баратынскаго была «красна и пирогами и углами», которые быстро отстраивала послѣ губительнаго пожара 12-го года.

Собиравшееся въ Москвѣ по зимамъ дворянское общество по преимуществу собиралось за тѣмъ, чтобы веселиться и раз-

влекаться. Веселились, и веселились до упаду, особенно на балахъ. Эти балы задавались знатными людьми какъ бы по-очереди—всѣ были знакомы другъ съ другомъ и не перебивали взаимно гостей, а кто хотѣлъ быть каждый день на балѣ, тому это желаніе легко удавалось осуществить. Кромѣ частныхъ баловъ, нѣсколько блестящихъ раутовъ въ зиму давалось у генералъ-губернатора, которымъ въ пушкинскія времена былъ знатный баринъ и вельможа князь Д. В. Голицынъ. Но особенно большое количество публики собирали еженедѣльные балы въ Дворянскомъ собраніи въ его роскошныхъ бѣлыхъ залахъ, легко вмѣщавшихъ до 4000 человѣкъ.

На картинѣ изображенъ свѣтскій балъ, быть можетъ, въ домѣ самого генерала-губернатора. Онъ самъ здѣсь, стоитъ подъ руку съ А. С. Пушкинымъ, усерднымъ посѣтителемъ московскихъ собраній при своихъ сравнительно частыхъ наѣздахъ въ Москву. Въ правомъ углу сидитъ кн. С. М. Голицынъ, попечитель московскаго учебнаго округа, рядомъ съ нимъ кн. Татьяна Борисовна Голицына; около нея виденъ профиль какой-то знатной старой дамы; по другую сторону генерала, сидящаго спиной къ зрителю, собирается посмотрѣть въ лорнетъ красавица княгиня Зинаида Волконская, которой посвящены блестящія строфы Пушкинымъ, Баратынскимъ и многими другими тогдашними авторами. Умная, образованная, тонкая цѣнительница изящнаго и прекраснаго, очень начитанная она любила собирать у себя поэтовъ и писателей. Стоятъ въ этой части картины братья Алексѣй и Димитрій Веневитиновы, далѣе знаменитый польскій поэтъ Адамъ Мицкевичъ, который тогда жилъ въ Москвѣ, состоя на подневольной службѣ въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора; между нимъ и Пушкинымъ видна голова М. П. Погодина, профессора русской исторіи въ университетѣ, а между Пушкинымъ и кн. Д. В. Голицынымъ стоитъ тотъ, кто, по крылатому слову Пушкина, въ Римѣ былъ бы Брутъ, а въ Аѳинахъ Периклъ—П. Я. Чаадаевъ; между Мицкевичемъ и Погодинымъ—московскій оберъ-полицеймейстеръ Шульгинъ, о которомъ хроника Москвы сохранила не мало анекдотовъ и разсказовъ, живо рисующихъ эту любопытную личность. Въ лѣвой части картины, среди танцующихъ, виденъ кн. П. А. Вяземскій—онъ въ розовомъ жилетѣ цвѣточками и въ очкахъ, танцуетъ съ Шиповой; близко отъ этой пары, немного болѣе въ глубинѣ комнаты виденъ Е. А. Баратынскій; тутъ же, недалеко,

пріятель Пушкина—В. А. Нащокинъ; правѣе Вяземскаго и тоже въ профиль, прославленный больше эпиграммами Пушкина, чѣмъ своими сентиментальными стихотвореніями, кн. Шаликовъ. Тутъ, словомъ, «вся Москва», всѣ, кто въ Москвѣ знатенъ и славенъ, всѣ постоянные москвичи и всѣ пріѣзжія знаменитости. Быть можетъ, они пріѣхали на балъ послѣ оживленнаго литературнаго собранія, гдѣ читали свои стихи Пушкинъ и Баратынскій, и всѣ еще подъ впечатлѣніемъ чарующихъ строфъ, не видѣвшихъ печати.

«Пушкинъ обѣщалъ прочесть «Годунова» во вторникъ 12-го октября»—заноситъ въ свой дневникъ М. П. Погодинъ. «Въ этотъ день «спозаранку» всѣ собрались къ Веневитиновымъ и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Онъ пріѣхалъ въ полдень. Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе,—пишетъ Погодинъ, передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить,—мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французской декламаціей... Наконецъ,—надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства—это былъ средняго роста, почти низенькій человѣкъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми быстрыми глазами, съ тихимъ пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ небрежно повязанномъ галстукѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ мы услышали простую, ясную обыкновенную и между тѣмъ піитическую увлекательную рѣчь. Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ, страдающей и бурной», мы просто

всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого—въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній, напримѣръ, при стихахъ Самозванца:

«Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла...»

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. Эванъ, эвое, дайте чаши! Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью на востроносой своей лодкѣ, предисловіе къ Руслану и Людмилѣ... О какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь!...»

Вотъ эти литературные утра и вечера, собиравшіе избранныхъ, да вечерніе балы и рауты, гдѣ эти избранные мѣшались съ толпой, и составляли, собственно говоря, всю общественность тогдашней Москвы. Вѣдь только что вспыхнуло и погасло движеніе декабристовъ. Производились розыски причастныхъ къ нему, и въ обществѣ господствовала паника. Всѣ спѣшили подчеркнуть свою благонамѣренность. Хмурыя лица, уединенный образъ жизни—вызывали подозрѣніе полиціи, на балы собирались и въ тѣхъ видахъ, чтобы «тамъ гдѣ-то» не подумали бы, что воздержаніе отъ веселья прикрываетъ собой «непріемлемыя и недопустимыя мечтанья». По словамъ современника, всѣ боялись доносовъ, и доносы процвѣтали. И вотъ всѣ пользовались случаемъ проявить почтительность передъ начальствомъ, правильные, свыше одобренные національностическіе взгляды и патріотическіе восторги. Но въ глубинѣ сердецъ лучшихъ людей таилась большая неудовлетворенность; Чаадаевъ подготовлялъ свое знаменитое письмо, за которое его было велѣно считать сумасшедшимъ, Кирѣевскій готовилъ свои статьи для «Европейца», Пушкинъ глубоко въ портфель запрятывалъ свои «вольныя» стихотворенія. А на яву все плясало и веселилось, и современники отмѣчаютъ, что никогда въ Москвѣ

такъ не веселились, какъ по зимамъ 1826—30 годовъ. На балахъ и собраніяхъ подъ звуки музыки и въ вихрѣ танцевъ можно было безъ страха, не навлекая нпчьихъ подозрѣній, перекинуться «вольнымъ словомъ» съ другомъ, найти единомышленника, вздохнуть. Вотъ, можетъ быть, почему дошло до насъ отъ той поры столько описаній въ стихахъ и прозѣ тогдашнихъ баловъ; въ этихъ описаніяхъ звучитъ и благодарность и рѣзкое безпощадное осужденіе на тему, что приходится тратить время и силы на такую пустую забаву.

«Глухая полночь. Строемъ длиннымъ,
Осеребренныя луной,
Стоятъ кареты на Тверской
Предъ домомъ пышнымъ и стариннымъ.
Пылаетъ тысячью огней
Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
Ревутъ смычки; толпа гостей,
Гулъ танца съ гуломъ разговоровъ.
Въ роскошныхъ перьяхъ и цвѣтахъ,
Съ улыбкой мертвой на устахъ,
Обыкновенной рамой бала
Старушки свѣтскія сидятъ
И на блестящій вихорь зала
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ.
Кружатся дамы молодыя,
Не чувствуютъ себя самихъ:
Драгими камнями у нихъ
Горятъ уборы головные;
По ихъ плечамъ полунагимъ
Златые локоны летаютъ;
Одежды легкія, какъ дымъ,
Ихъ легкій станъ обозначаютъ.
Вокругъ плѣнительныхъ харитъ
И суетится и кипитъ
Толпа поклонниковъ ревнивыхъ:
Толкуетъ, ловитъ каждый взглядъ;
Шутя, несчастныхъ и счастливыхъ
Вертушки милыя творятъ.
Въ движеньи все. Горя добиться
Вниманья лестнаго красы,
Гусаръ крутитъ свои усы,
Писатель чопорно острится—
И оба правы: говорятъ,
Что въ то же время можно дамамъ,
Мѣняя слѣва взглядъ на взглядъ,
Смѣяться справа эпиграммамъ.

Межъ тѣмъ, и въ лентахъ и въ звѣздахъ,
Порою съ картами въ рукахъ,
Выходятъ важные бояры,
Вставъ изъ-за ломберныхъ столовъ,
Взглянуть на мчащіяся пары
Подъ гулъ порывистый смычковъ»... *(Е. А. Баратынскій, «Балъ»).*

Про балы-концерты въ Дворянскомъ собраніи кн. П. А. Вяземскій пишетъ, что «это былъ настоящій съѣздъ Россіи», начиная отъ вельможи до мелкопомѣстнаго дворянства, отъ статсъ-дамы до скромной уѣздной невѣсты, которую родители привозили въ собраніе, чтобы на людей посмотрѣть, а особенно себя показать и при успѣхѣ выйти замужъ» *). Обширный и великолѣпный залъ Благороднаго собранія не имѣлъ себѣ подобныхъ въ Россіи. По описанію современниковъ, во время баловъ, концертовъ и маскарадовъ, которые здѣсь устраивались московскимъ дворянствомъ, все блистало роскошью, великолѣпіемъ, красотой и элегантностью. Залы и гостиныя, кромѣ люстръ, освѣщались еще цвѣтными стаканчиками. На концерты собирались около 8 час. вечера, но слушали музыку или пѣніе очень мало: разговоръ былъ до того шуменъ, что заглушалъ не только пѣніе, но и оркестръ. Всѣ съ петерпѣніемъ ждали минуты, когда музыка кончится, и затѣмъ начинался «променадъ»: ходили кругомъ зала тѣ, которые хотѣли себя показать, а которые предпочитали другихъ посмотрѣть—тѣ сидѣли на скамьяхъ и стульяхъ, разставленныхъ по стѣнамъ кругомъ всей залы. Балу въ Дворянскомъ собраніи посвящены строфы Пушкина; на собраніе мать привезла Татьяну

«Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ
Всѣ чувства поражаютъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, прогремѣть,

*) Дубровинъ, «Русская жизнь въ началѣ XIX в.»

Блеснуть, плѣнить и улетѣть...
. . . . . .
Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ... Межъ тѣмъ,
Межъ двухъ тетокъ, у колонны,
Не замѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь...
. . . . . .

«Въ собраніи,—пишетъ въ своихъ запискахъ П. А. Второвъ,—бываетъ лучшее и блестящее общество и наблюдается болѣе нежели гдѣ-нибудь благопристойности и вѣжливости... Много молодыхъ людей, прекрасно образованныхъ и скромныхъ, но едва ли не больше глупыхъ, вѣтренныхъ, шарлатановъ, избалованныхъ счастьемъ и богатствомъ». «Молодой человѣкъ тѣхъ временъ, желающій быть принятымъ въ большомъ свѣтѣ,—пишетъ В. Н. Погожевъ,—необходимо долженъ имѣть слѣдующія качества: говорить по-французски, танцовать, знать хотя по названіямъ сочиненія новѣйшихъ авторовъ, судить о ихъ достоинствѣ, порицать старыхъ и все старое, разбирать играемыя на театрахъ піесы, умѣть завести споръ о музыкѣ, сѣсть за фортепіано и взять небрежно нѣсколько аккордовъ, или сыграть что-нибудь затверженное или промурлыкать романсъ или арію; знать наизусть нѣсколько стиховъ любимаго дамами или моднаго современнаго поэта. Но главнѣе всего—это играть въ карты по большой и быть одѣтымъ по модѣ... Кто не говоритъ по-французски, долженъ отказаться отъ знакомства съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ или тонными домами... Кто имѣетъ всѣ эти достоинства, тотъ можетъ съ честью явиться на сцену модная свѣта. Нынѣ не спрашиваютъ, есть ли у такого франта душа, а сколько именно душъ? Никто не хочетъ знать, откуда г. N. N. беретъ деньги на карточную игру и на прочія модныя жизненныя потребности. Все равно; старинное правило—не все золото, что блеститъ—обратилось въ слѣдующую аксіому, или, лучше сказать, гипотезу: что блеститъ, то и золото».

Дамы въ свою очередь не отставали отъ модъ и употребляли всѣ усилія, чтобы, согласно требованіямъ тогдашней указки, изображать изъ себя нимфъ, грацій и богинь...

Въ обществѣ женщина хорошаго тона, чтобы съ честью поддерживать свою репутацію, должна была казаться спокойной,

ровной, безстрастной, не выказывать ни особаго вниманія, ни повышеннаго любопытства, должна была владѣть собой въ совершенствѣ:

И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена.

надо что-бъ ей

...ничто не измѣнило;

чтобъ

Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
Былъ такъ же тихъ ея поклонъ.

Но эта сдержанность вовсе не должна переходить въ холодную неподвижность статуи. Нѣтъ, женщина должна быть въ то же время живой вдохновительницей общества, и поэтъ—современникъ, пишетъ о женщинѣ своей эпохи, что

...Нынѣ лесть изображаетъ
Красавицу съ огнемъ въ глазахъ,
Въ которыхъ пылкій умъ блистаетъ
И дѣлаетъ пожаръ въ сердцахъ.
Вокругъ обряжену кудрями,
Богиней, граціей зовутъ
И страстно томными стихами
Въ романсахъ ей хвалу поютъ.
Старинный цвѣтъ лица не въ модѣ,
Онъ грубъ для нашихъ нѣжныхъ чувствъ,
Хвалить его не ловко въ одѣ—
Намъ нуженъ сталъ соборъ искусствъ.
Красавица, взамѣнъ поклона,
Съ улыбкой любитъ присѣдать,
Въ бесѣдѣ франта-вѣтрогона
Ученою себя казать...»

Эта ученость не выходила, конечно, за предѣлы простой начитанности, да и то преимущественно въ области изящной литературы, но природный умъ, изящество внѣшняго облика, талантливое умѣнье во время и мѣтко блеснуть оригинальнымъ замѣчаніемъ или сужденіемъ создавали нѣкоторымъ дамамъ славу «учености», и онѣ собирали около себя такихъ людей, какъ Карамзинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, Пушкинъ и его друзья. Создавались литературные салоны, но ихъ было очень немного. Обычай и приличіе требовали, чтобы женщина, интере-

совавшаяся наукой и литературой, не подавляла въ себѣ этими интересами женственности, не была бы

...семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль академикомъ въ чепцѣ...

не походила бы на засохшаго въ книгахъ педанта. Считалось неудобнымъ для тогдашней дамы или дѣвицы подчеркивать свой интересъ къ книгѣ. «Мнѣ чрезвычайно хотѣлось,—писала одна дѣвица своей подругѣ,—подойти къ столу (въ Собраніи), на которомъ лежали газеты и журналы, но дамы къ нему не подходятъ, хотя комнату, въ которой онъ поставленъ, проходятъ безпрестанно».

Конечно, на ряду съ истинно-образованными цѣнительницами изящной литературы и умной книги было много и карикатурныхъ явленій, которыя именно стремились пустить пыль въ глаза тѣмъ, что умѣютъ держать въ рукахъ книгу и кстати и не кстати перелистывали печатныя страницы, заботясь не столько о томъ, чтобы читать, а о томъ, чтобы ихъ видѣли читающими. Такія дамы, по выраженію М. Н. Загоскина, отъ нечего дѣлать, обыкновенно на склонѣ дней, «прикидывались» страстными любительницами словесности, и по неволѣ русской: въ Москвѣ нѣтъ французскихъ литераторовъ; такая дама ставила себѣ въ обязанность покровительствовать всѣмъ молодымъ писателямъ, отыскивать геніевъ и открывать *громадные* таланты. «Въ Парижѣ была когда-то госпожа Графиньи,—почему же не быть ей и въ Москвѣ?» И вотъ такая дама заводитъ у себя литературныя бесѣды и чтенія. «Ей какъ-то не удается заманить на свои вечера ни извѣстныхъ литераторовъ, ни первоклассныхъ московскихъ львицъ и львовъ; но зато въ ея домѣ вы можете встрѣтить пропикнутыхъ европеизмомъ русскихъ барынь, которыя или пріѣхали изъ-за границы, или собирались ѣхать за границу; художниковъ, которыхъ замѣчательныя произведенія разбросаны по всѣмъ московскимъ альбомамъ; иностранцевъ, по большей части путешествующихъ для своей забавы и разныхъ торговыхъ оборотовъ; съ полдюжины писателей, которые еще ничего не написали; одного или двухъ геніевъ, не вовсе еще зрѣлыхъ, но готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ вспыхнуть и озарить новымъ свѣтомъ всю вселенную, и цѣлую толпу глубокихъ *мыслителей*, которые, дожившъ до двадцати лѣтъ, успѣли все испытать, все перечувствовать и всѣмъ надоѣсть...

Но конечно, не эти немного карикатурныя дамы, хотя ихъ

и было большинство, давали блескъ дамскому обществу тогдашней Москвы. Большіе наши поэты и просто умные люди любили бесѣду красавицъ, которыя умѣли цѣнить настоящее острое слово, подлинную поэзію и умѣли легко, не морща чела и не поражая своего собесѣдника цитатами и всезнайствомъ, дать ему почувствовать, что его понимаютъ и съ нимъ любятъ поговорить, цѣня его мысль и слово, давая ему въ обмѣнъ свои мысли и слова, отграненныя истиннымъ пониманіемъ прекраснаго и поэтическаго. Карамзинъ, Жуковскій, а впослѣдствіи Пушкинъ имѣли въ этомъ небольшомъ кругу настоящихъ поклонницъ и читательницъ, и сколько истинно вдохновенныхъ строфъ посвятили они тѣмъ, около которыхъ отдыхали и чьей улыбкой окрылялось ихъ поэтическое творчество.

Разговорнымъ языкомъ въ обществѣ, конечно, былъ французскій. По словамъ современника, люди высшаго русскаго общества, воспитанные французами, съ дѣтства пріобрѣтали предпочтеніе къ этому народу, узнавали Францію только en beau и считали ее отечествомъ вкуса, свѣтскости, искусства и изящныхъ наслажденій, а также «убѣжищемъ свободы и разума, очагомъ священнаго огня, гдѣ они нѣкогда зажгутъ свѣтильникъ, долженствующій освѣтить ихъ отечество».

Въ знатныхъ домахъ, по словамъ современника, няньки, даже горничныя и барскій камердинеръ говорили по-французски. Одни достигали большого успѣха въ своемъ увлеченіи Франціей, но многіе потому только были убѣждены, что ихъ камердинеры и горничныя знаютъ французскій языкъ, что сами знали не больше своихъ слугъ. Н. Дубровинъ приводитъ со словъ кн. П. Вяземскаго нѣсколько примѣровъ знанія языка въ тогдашнемъ нашемъ обществѣ. Въ Аустерлицкомъ сраженіи Наполеонъ любовался атакою русской кавалеріи и спросилъ генерала Ѳ. П. Уварова, взятаго въ плѣнъ: кто командовалъ конницей?—«Je Sire!»—отвѣчалъ тотъ. Тотъ же Уваровъ, стоя въ сѣняхъ театра и слушая, какъ вызывали кареты, кричалъ, когда подъѣзжалъ не его экипажъ: «Pas ma, pas ma! «А когда подъѣхала его карета, то возгласилъ: «Ma!» *)

Балы и вечернія собранія въ приватныхъ домахъ, конечно, были копіей, болѣе или менѣе близкой къ торжественнымъ баламъ у генерала-губернатора, у другихъ знатныхъ лицъ и въ

---

[1]) Н. Дубровинъ, «Наши мистики и сектанты».

Дворянскомъ собраніи. Обстановка московскаго бала въ дворянскомъ домѣ первой четверти XIX-го вѣка описывается въ воспоминаніяхъ современниковъ такъ: обыкновенно въ 6 часовъ вечера зажигались двѣ плошки у крыльца, а фонарь освѣщалъ путь отъ воротъ къ дому. На лѣстницѣ, по стѣнамъ, зажигались у людей богатыхъ восковыя, а у тѣхъ, что побѣднѣе, сальныя свѣчи, которыя таяли и оплывали. Въ прихожей цѣлая свѣча, обыкновенно стоящая въ бутылкѣ съ отбитымъ горлышкомъ, перемѣщалась въ жестяной подсвѣчникъ. Въ люстрахъ, канделябрахъ и стѣнныхъ бра горѣли обыкновенно свѣчи-аплике (сало налитое въ восковой чехолъ), также оплывавшія; жирандоли отражались въ зеркалахъ, стоящихъ въ простѣнкахъ; на окнахъ маканыя свѣчи (сальныя, толстофитильныя) воткнуты были въ деревянные некрашеные треугольники съ тремя жестяными горлышками для свѣчей по концамъ. Особые мальчики казачки должны были слѣдить, чтобы оплывавшія свѣчи не коптили и не чадили; для этого казачки, вооруженные особыми щипцами, бѣгали постоянно среди гостей и снимали нагаръ въ кружку съ водой, которую тоже имѣли при себѣ. Масляныя лампы были въ началѣ XIX в. роскошью, которой обзавелись только очень немногіе богачи, и пока онѣ не вошли во всеобщее употребленіе къ 30-мъ годамъ, освѣщеніе было вообще такое слабое «что отъ одного конца залы до другого нельзя узнать другъ друга».

Пріѣздъ гостей возвѣщался звонкомъ, который давалъ швейцаръ съ подъѣзда. Особый громогласный лакей докладывалъ фамилію прибывшихъ. Хозяева встрѣчали гостей у передней и вели въ гостиную, гдѣ начинались взаимныя привѣтствія гостей. Балъ открывался «длиннымъ польскимъ», тянувшимся цвѣтистой извилистой полосой по всѣмъ комнатамъ. Въ переднихъ парахъ шли почтенные и знатные гости, старики въ звѣздахъ и лентахъ, ведя галантно своихъ «кавалерственныхъ» дамъ; степенные старички и почтенныя старушки въ шутку то щеголевато кланяются, то приѣдаютъ. Не попавшіе въ польскій мужчины одинъ за другимъ останавливаютъ первую пару и, хлопнувъ въ ладоши, отбиваютъ даму. Кавалеры отвоеванныхъ дамъ достаются сзади идущимъ дамамъ и переходятъ отъ одной къ другой; кавалеръ въ послѣдней парѣ оказывается въ одиночествѣ. Иной стоически переноситъ остракизмъ и отправляется къ одному изъ карточныхъ столовъ или въ буфетъ отдохнуть отъ своихъ

подвиговъ, а иной, преслѣдуемый словами.—«усталъ! въ отставку! на покой!» бѣжитъ къ первой парѣ и отбиваетъ даму. Смѣхъ, толкотня, недосказанныя рѣчи, недослушанные отвѣты, жданныя и нежданныя встрѣчи, извиненія, шутки и прибаутки весело кончаютъ длинный польскій».

Не обходится дѣло и безъ чисто московскаго явленія, сразу заставляющаго наблюдателя вспомнить обстановку петровскихъ ассамблей: въ кругъ танцующихъ вдругъ врывается шутъ; припѣвая подъ музыку какія-то не слишкомъ пристойныя рѳмы, пускается догонять въ присядку первую пару. За польскимъ слѣдовали легкіе танцы — экосезъ и экосезъ-кадриль; мазурка въ первой четверти XIX в. еще только входила въ обиходъ баловъ, французскую кадриль еще совсѣмъ не танцовали, а вальсъ считался танцемъ не совсѣмъ приличнымъ; заканчивался тогдашній балъ особымъ танцемъ въ родѣ котильона—danse à la grecque со множествомъ фигуръ, выдумываемыхъ первою парою и сопровождавшійся бѣготней по всѣмъ комнатамъ. Бальная музыка, обыкновенно изъ крѣпостныхъ артистовъ, въ большинствѣ была очень плоха; помѣщались оркестры на хорахъ и количествомъ музыкантовъ богаты не были.

Москва умѣла остаться Москвой даже и на свѣтскомъ балу, внося въ это европейское учрежденіе нѣчто совершенно невяжущееся съ нашимъ представленіемъ о балѣ. М. Н. Загоскинъ разсказываетъ, какъ онъ со своимъ знакомымъ, будучи на балу въ среднемъ дворянскомъ домѣ, прошелъ въ гостиную и остановился въ дверяхъ небольшого покоя, «который, вѣроятно, по случаю бала, превратился изъ спальни въ пріемную комнату. Посреди этой комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый разными галантерейными вещами. Золотыя колечки, сережки, запонки, цѣпочки, булавочки и всякія другія блестящія бездѣлушки разложены были весьма красиво во всю длину стола, покрытаго краснымъ сукномъ. За столомъ сидѣлъ старикъ съ напудренной головой, въ черномъ фракѣ и шитомъ разными шелками камзолѣ. Наружность этого старика была весьма пріятная, и, судя по его благородной и даже нѣсколько аристократической физіономіи, трудно было отгадать, какимъ образомъ онъ могъ попасть за этотъ прилавокъ. Да, прилавокъ,—потому что онъ продалъ при насъ двумъ дамамъ: одной—золотое колечко съ бирюзой, а другой небольшое черепаховое опахало

съ золотой насѣчкой; третья, барышня лѣтъ семнадцати, подошла къ этому прилавку, вынула изъ ушей свои сережки и сказала: «Вотъ, возьмите! Маменька позволила мнѣ промѣнять мои серьги. Только, воля ваша, вы много взяли придачи; право, десять рублей много»!—«Ну, вотъ еще много!—прервалъ купецъ,—да твои сережки и пяти рублей не стоютъ!»—«Ахъ, что вы, князь!—возразила барышня,—да я за нихъ двадцать пять рублей заплатила!» «Князь!»—повторилъ я шопотомъ.—«Да,—сказалъ мнѣ на ухо пріятель,—это отставной бригадиръ, князь Н***. Онъ промоталъ четыре тысячи душъ наслѣдственнаго имѣнія и теперь, видишь, чѣмъ промышляетъ. Ты будешь часто встрѣчать его сіятельство съ этимъ же самымъ подвижнымъ магазиномъ: съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался почти необходимою принадлежностью всѣхъ баловъ». Итакъ—шутъ съ непристойной пѣсенкой среди танцующихъ, торгашъ, быть-можетъ, ростовщикъ—вѣдь на балахъ въ карты играютъ и проигрываютъ—среди гостей. Современники отмѣчаютъ эти явленія, какъ курьезъ московской жизни и, конечно, это были курьезы, но терпимые московскимъ обществомъ, а, слѣдовательно, характеризовавшіе и самый культурный уровень этого общества.

5642

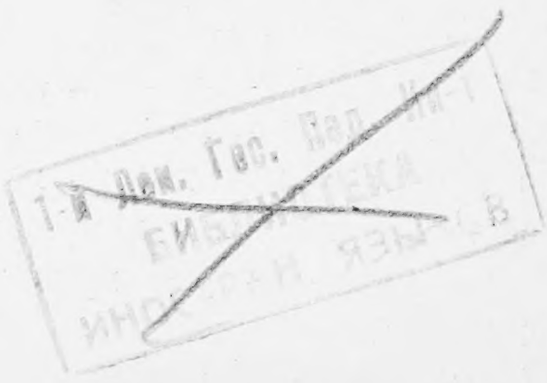
Неизмѣнной принадлежностью каждаго бала былъ буфеты съ прохладительными напитками, мороженымъ, чаемъ со всякими сластями; сюда спасались отъ духоты и копоти танцовальныхъ залъ. Въ буфетѣ, обставленномъ по стѣнамъ прилавками, на которыхъ въ хрустальныхъ чашахъ лежали грудами фрукты и конфеты, въ граненыхъ разноцвѣтныхъ графинахъ стоялъ освѣжительные напитки, и кипѣла вода въ серебряномъ самоварѣ, постоянно и безъ перерыву толпились гости, волною смѣняя другъ друга. Добраться до прилавковъ всегда было трудно. «Пока мы дожидались нашей очереди,—разсказываетъ современникъ,—чтобы напиться лимонаду, одинъ приземистый баринъ успѣлъ пропустить въ себя пять чашекъ чаю и проглотить съ полдюжины сдобныхъ булочекъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ ничѣмъ не запасался, а въ двухъ шагахъ отъ него какая-то пожилая барыня преспокойно набивала конфетами свой огромный ридикюль, который начиналъ уже принимать форму довольно увѣсистаго кулька».

Въ общемъ итогѣ, человѣку съ живой душой становилось скучно и тоскливо въ этомъ обществѣ. «На балахъ,—пишетъ А. С. Пушкинъ,—всѣхъ занимаетъ

Научная б-ка им. Горького при ЛГУ

1-й Ленингр. Пед. Ин-т БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ 1054/42

Новая цена
Руб. — коп. 08



Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

2
4819-48

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ
ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ука
реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризу
какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаво
посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерь Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—„*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ. МОСКВА

1494